

Philosophy of education in the system of philosophical knowledge

Abstract. *The very definition of philosophical and practical bases of formation of postmodern society and education formed the basis of the formation of the problem field of philosophy of education philosophy of education as Postnonclassical dynamically unbalanced and uncertain according to the characteristics of the society that it has developed through the formation of the human qualities. New challenges is the need of the individual global, paradigmatic postmodern reorganization of education. The essence of the philosophy of education is manifested as the development issues of methodology and philosophical foundations of education in the context of the definition of its socio-cultural unity and caused substantial subject-communicative nature. Under the philosophy of education has one single integrated facility - education in all its values, system, process and effective characteristics, taking into account the interdisciplinary and parameters and factors. The uniqueness and integrity of the object at the variety of subject areas of his research makes a fundamental integrative, interdisciplinary scientific knowledge produced by the philosophy of education. She and philosophical foundations of education assimilates data of various sciences, providing them with a range of integrative gained within the philosophy of education, new skills. This allows the philosophy of education as a paradigm to realize their descriptive, explanatory, predictive and transformative function. However, the philosophy of education is a branch of scientific knowledge. After her well enough to apply scientific approach that allows to realize self-reflection function that enables it self.*

Key words: *philosophy of education, paradigm, methodology, postmodern education.*

УДК 167

Романов А. А.

аспирант кафедры философии и основ общегуманитарного знания
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
(Одесса, Украина), E-mail: visnukDNU@i.ua

**ПОНЯТИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ У Г. С. САЛЛИВАНА:
ФИЛОСОФСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ**

Аннотация: *В статье показана логика модернизации психоанализа в интерперсональном подходе Г. С. Салливана, а также та роль, которую в этой модернизации сыграло понятие переживания. Эксплицирован историко-философский контекст, предшествовавший и сопровождавший методологические и концептуальные новации Г. С. Салливана.*

Ключевые слова: *интерперсональный психоанализ, Гарри Стек Салливан, понятие переживания, переживание.*

Психоанализ и психотерапия, оформляясь в качестве социального института и совокупности теорий, далеко не сразу приняли те очертания, которые характерны для них сегодня. Формируясь на рубеже XIX и XX веков, классический психоанализ Зигмунда Фрейда испытал огромное интеллектуальное, мировоззренческое и методологическое влияние доминировавших в то время натуралистически-сциентистских представлений и романтически-виталистских идей. Одним из следствий этих влияний стало то, что понятие переживания – в отличие от таких метапсихологических конструктов, как «либидо», «влечение к смерти», «ид», «эго», «супер-эго», «катексис», «разрядка», – не вошло в концептуальный аппарат классического психоанализа. С высоты сегодняшнего дня отмеченная ситуация кажется парадоксальной и абсурдной, поскольку человеческие переживания мы полагаем неким очевидным и значимым (пусть и недостаточно концептуализированным) предметом психотерапевтического и философского исследования. Тем не менее, концептуальное и методологическое игнорирование проблематики переживаний, характерное для первого поколения создателей психотерапии и их институциональных приемников, имеет под собой целый ряд оснований – метафизических, нормативных, методологиче-

ских, эпистемологических. Экспликация этих оснований является сложной историко-философской задачей. В то же время, всевозрастающий интерес философов и психотерапевтов к проблематике переживаний и переосмысление переживаний в качестве достойного предмета исследовательской рефлексии, в свою очередь, также связаны с определенным социокультурным и историко-философским контекстом. Прояснение историко-философского контекста, в котором понятие переживания из предмета пренебрежения превращается в предмет пристального исследовательского интереса – основная задача нашей работы. Решение этой задачи может стать более чем наглядным, если проиллюстрировать его анализом методологической модернизации психоанализа, предпринятой в интерперсональном подходе Салливана, который именно понятие переживания сделал центральным понятием своей системы.

В исследованиях, посвященных теоретико-методологическим принципам интерперсонального психоанализа Гарри Стека Салливана, традиционно акцентируются междисциплинарные основания его подхода [2; 7; 8; 9, p. 39-48]. Хотя такая трактовка теоретических и методологических новаций Салливана апеллирует к хорошо известным фактам его научной биографии, в свете современных философско-методологических рефлексий эти «биографические» обобщения представляются недостаточными.

Научная биография Салливана (1892-1949) известна хорошо. Придя в клиническую психиатрию в начале 1920-х годов и испытав влияние Уильяма Алансона Уайта, воплощавшего лучшие традиции «здорового эклектизма» американской психиатрии [9], Салливан достаточно быстро достиг выдающихся клинических успехов в работе с пациентами-шизофрениками, предполагавшимися до того «неизлечимыми». В основе этих результатов были 1) уход от «биологической» трактовки шизофрении как дегенеративного органического расстройства и 2) организационная модернизация терапевтического пространства. Специально отобранный медицинский персонал выражал пациентам максимальную человечность и уважительное отношение, а травмирующая социально-ролевая дифференциация на «больных» и медицинских работников была сведена к минимуму. Впечатляющие результаты, полученные благодаря применению чисто коммуникативных и психологических методов к лечению «априорно» некурабельной группы пациентов, подтолкнули Салливана к углубленному изучению проблематики коммуникации, психического развития и методов терапевтического взаимодействия. В это же время Салливан завязывает близкие профессиональные отношения с Эдвардом Сепиром и другими представителями знаменитой Чикагской школы, осознавая необходимость продуктивного диалога психиатрии со стремительно развивающимися социальными и гуманитарными науками. В 1930-е годы Салливан достигает впечатляющих результатов в работе с еще одной категорией «трудных» пациентов, страдающих навязчивыми состояниями, а также организует работу фонда, журнала и института, ориентированных на поддержку дальнейших исследований на стыке психиатрии и социальных наук. К этому времени относится и начало его сотрудничества с Эрихом Фроммом и Карен Хорни. В 1940-е годы Салливан применяет свои знания для модернизации службы воинского призыва США, участвует в международных послевоенных конференциях, посвященных снижению международной напряженности и профилактике психического болезней, а также читает свои итоговые курсы лекций.

Несмотря на новаторский и прогрессивный характер своего научного творчества, Салливан не избежал конфликта интересов с консервативной элитой институционализированного психоанализа, что весьма осложнило распространение интерперсональных идей. Показательна позиция Карла Меннингера, президента Американской психоаналитической ассоциации того времени: «Фрейд не был нашим Богом, он был нашим Моисеем. Но с его смертью мы не утратили своего вожда. <...> До-

бавляют нечто новое к его открытиям – это не привилегия избранных, а наш общий долг. Но это не наша обязанность и не наша привилегия – делать себе имя и «бороться за интеллектуальную свободу», во всеуслышание критикуя Фрейда, или раздуть в великое открытие свои расхождения с ним» [цит. по: 3, с. 513]. Эта ситуация привела к парадоксу: дальнейшая модернизация психоанализа пошла по пути, проложенному Салливаном, но его новации вошли в новейшую историю психоанализа в связи с именами более лояльных авторов.

В чем же состоял «интерперсональный поворот» Салливана и какова роль в этом понятия переживания? Для ответа на этот вопрос нам следует совершить критическое обращение к классическому психоанализу Фрейда.

Фрейд как ученый был во многом сформирован научной атмосферой XIX века – временем триумфа естественных наук и популяризации веры в то, что стремительный научный прогресс также прямо ведет к скорейшему осчастливливанию человечества. В просветительском духе человечество полагалось одураченным религиозными иллюзиями, а в духе ницшеанского разоблачения требовало освобождения от репрессирующей его витальности морали. Сциентизм в сочетании с пламенной риторикой просветительства и разоблачения наложили неизгладимый отпечаток на способ фрейдовского теоретизирования [5]. Позднее эти проблемные для научного дискурса предпосылки были еще более осложнены скептицизмом и пессимизмом в отношении человеческой природы, последовавшими за потрясением Первой Мировой войной, когда вера в эффективность научного знания обернулась технологиями массового убийства миллионов «цивилизованных» европейцев, обнажив глубокий культурный и духовный кризис современного человечества. Сциентизированное мессианство и прямолинейный активизм, столкнувшись с дискредитирующими подобными стратегиями обстоятельствами, были модифицированы посредством новых обоснований, которые апеллировали к существованию в человеке могущественного источника разрушительности и сопротивления. Так в 1920 году во фрейдовскую метапсихологию входит понятие инстинкта смерти [6]. Риторика страстного разоблачения дополнилась трагическим сюжетом неравной борьбы ученого с деструктивным потенциалом природы, от чего вера в научный разум приобретала еще более мистический характер. Нерационализируемые в перспективе ученого-освободителя факты получали теперь поэтическую интерпретацию с позиции пророка-мученика, несущего горькое знание истины. Правда ценность этой истины обосновывалась в тавтологическом духе как ценность правды самой по себе или как согласованность с миссией ученого. Незаметно фрейдовский дискурс приходил к драматическому парадоксу: требование эмансипации витальности от репрессивных моральных установок сталкивалось с утверждением, что сама витальность скрывает в себе могучие разрушительные силы.

Рационалистический лозунг психоанализа «осознать бессознательное» также не получал рационалистического развития, поскольку сознание не было в рассуждениях Фрейда самодетерминирующей инстанцией, а бессознательное и целый ряд психических сущностей просто постулировались им. В связи с этим «осознание бессознательного» сводилось в дальнейшем к догматическому воспроизводству авторитетных представлений Фрейда о сущностном психического. Эмпирическая ненаблюдаемость постулированных Фрейдом психических сущностей компенсировалась возможностями фрейдовского способа интерпретирования, пригодного для тотального объяснения любых психических и культурных явлений на метаязыке психоаналитических терминов, а также весьма эффективного для «постановки диагноза» оппонентам. Став популярным и харизматичным дискурсом, психоанализ на социальном уровне оказался вынужденным консервативно эксплуатировать свой канон, идеализировать фигуру создателя и осторожно вводить новации, проистекавшие из клинической практики.

Хотя представители психоаналитического мэйнстрима на концептуальном и

клиническом уровне существенно обогатили исходные теории, они в большей или меньшей мере продолжали опираться на проблемные метафизические и методологические предпосылки классического канона. К сомнительным предпосылкам классического психоанализа можно отнести наивный эмпиризм, редукционизм, детерминизм, сциентизм и проистекающий из них антигуманитаризм психоаналитической методологии. Наивный эмпиризм исключает из психологического исследования вопросы познавательной ангажированности и обусловленности самого исследователя. Редукционизм сводит сложные смысловые и контекстуальные явления к составным частям, разрывая и отбрасывая их нередуцируемую связанность. Детерминизм и сциентизм выражают стремление ученого подчинить изучение уникальных психоментальных явлений принципам чуждых для них естественных наук, пусть и показавших свою высокую эффективность в сфере технического прогресса. Невозможность обращения с человеком и его внутренним миром, как с технологическим аппаратом является главным аргументом для оценки такой методологической установки как антигуманитарной. Указанные предпосылки характерны для ряда направлений современной научной психологии, также формировавшейся в рамках натуралистического мировоззрения XIX века.

В отличие от Фрейда Салливан во многом ориентировался на методологию стремительно развивавшихся в XX веке гуманитарных и социальных наук, благодаря чему смог привнести в психотерапию то лучшее, что до сих пор отличает ее современные варианты. Из своей клинической работы Салливан смог не только вывести клинические следствия, но и обратиться к теоретической разработке затронутой проблематики [4]. Прежде всего, это была проблематика коммуникации, ускользавшая от внимания исследователей, мысливших в рамках персонцентричного подхода (рассматривающего личность как замкнутую систему с устойчивыми характеристиками). Клинические успехи Салливана и его новаторское понимание оснований психического развития и психотерапевтической помощи проистекали из обращения первостепенного внимания на:

- 1) значение опыта интерперсонального взаимодействия (интерперсональных переживаний) в психическом развитии и патогенезе;
- 2) необходимость психологической (а не биологической, физикалистской и иной спекулятивной, дистанцированной от опыта) трактовки человеческих мотивов, тревоги и переживаний;
- 3) роль психотерапевта как участвующего наблюдателя и специалиста по коммуникации вместо классической нейтральной позиции, обслуживающей идеал научной объективности;
- 4) центральное значение языка и коммуникации в вопросах межлического понимания и взаимодействия;
- 5) автономное терапевтическое значение опыта коммуникации в ситуации «здесь и сейчас» по сравнению с «интеллектуальными» реконструкциями патологического прошлого пациента.

Смещение интереса к данной проблематике как раз и определяет современные версии психотерапии и психоанализа по отношению к их классическим предшественникам. Интерес к коммуникации и ситуации интерперсонального взаимодействия, подкрепленные современными представлениями из лингвистики и культурной антропологии, а также переориентация психиатрии на принципы гуманитарных и социальных наук, стали основаниями интерперсональной теории Салливана.

Центральным звеном интерперсональной теории стало признание условности и гипотетического характера такого образования как личность – единичной анализа становится не личность, а интерперсональная ситуация. Этот качественный сдвиг означает, что от умозрительных рассуждений об устойчивых качествах и «устройстве» личности исследователь и психотерапевт должен непременно возвращаться к анализу опыта (переживаний) связанности человека с другими людьми, особенно

опыта связанности, протекающего в психотерапевтической ситуации. Иначе говоря, внимание психотерапевта в интерперсональном подходе должно быть сосредоточено не на объяснении страданий и переживаний пациента некими гипотетическими внутриспсихическими патологическими факторами (чрезмерная агрессивность, фиксация на ранней стадии психосексуального развития, предпочтение примитивных защитных механизмов, отсутствие наблюдающего эго), а на прояснении связи этих переживаний с имеющимся у человека опытом взаимодействия с другими людьми, а также на том, созданы ли в текущей психотерапевтической ситуации условия для нового, более гуманного и исцеляющего опыта. Для клинической методологии, развиваемой в интерперсональном подходе, как и для современной психотерапии в целом, характерен первостепенный интерес к настоящему, к уникальной ситуации «здесь и сейчас», анализ которой обеспечивает более надежными основаниями, чем спекулятивные реконструкции далекого младенчества пациента («там и тогда») и наукообразные объяснения универсальных механизмов психического аппарата («всегда и везде»).

Кроме того, одной из основных интенций Салливана было стремление уйти от механистического и физикалистского концептуального аппарата классического психоанализа в пользу более «человекомерной» лексики, что соответствует общефилософской тенденции XX века к обновлению языка описания человеческого опыта. Наиболее резонансные варианты реализации этой тенденции связаны, в частности, с именем Мартина Хайдеггера, попытавшегося уйти в философии от языка категорий к языку экзистенциалов, и с именем Мирчи Элиаде, осуществившего в рамках религиоведения методологическую переориентацию от спекуляций в духе Просвещения к постижению сути религиозного опыта.

Салливан стремился уйти от биологического обоснования психической жизни и патологии отдельного существа к рассмотрению человеческого существования в контексте его связанности с существованием других людей. Эта радикальная методологическая переориентация обусловила изменения в теоретических принципах Салливана по сравнению с классическим психоанализом (и, шире, классической психиатрией, психологией и наукой). Центральной в подходе Салливана стала проблематика переживаний, коммуникации, взаимодействия и качества интерперсональной связанности, в отличие от фокуса классического психоанализа на универсальном «глубинном» истолковании (1), реконструкции прошлого (2) и осознании вытесненного материала (3). Так 1) глубинные истолкования в новой перспективе оказываются не более чем сомнительными гипотезами, 2) реконструкции прошлого уступают конструктивистскому или трансформационному аспекту терапевтического взаимодействия, а 3) осознание вытесненного материала и, шире, бессознательного пациента ставится в прямую зависимость от теоретической позиции психотерапевта и ситуации их взаимодействия.

В этом ракурсе переживания и смыслы становятся первичной реальностью, а не чем-то производным от инстинктивных влечений. Предметом исследования оказываются способы организации переживаний, качество интерперсональной связанности и интерперсональные навыки, а психотерапевтическая процедура переориентируется на вовлечение клиента в терапевтическую коммуникацию, содействующую его эмоциональному, когнитивному и интерперсональному развитию. В подходе Салливана важным аспектом терапевтического взаимодействия и психического развития становится обеспечение атмосферы интерперсональной безопасности, то есть снижение тревоги до ее переносимых форм. Психологическая трактовка тревоги и ее роли в нарушениях коммуникации и развития, безусловно, была одним из факторов (наряду с особым вниманием к таким человеческим потребностям, как забота, самоуважение и связанность с другими людьми), способствовавших переориентации психиатрии и психоанализа в русло современных гуманитарных представлений о человеке.

Рассмотрев внутреннюю логику развития интерперсонального психоанализа (созвучную логике дальнейшего развития психоанализа и психотерапии в целом), обратимся к историко-философскому контексту новаций Салливана и его «открытия» переживаний.

Исследователи [2; 7; 8; 9] традиционно указывают на междисциплинарные обращения Салливана к психоанализу Фрейда, психобиологии А. Мейера, социологии Ч. Кули и Дж. Г. Мида, культурной антропологии Б. Малиновского и Р. Бенедикт, философии операционализма П. Бриджмена, теории поля К. Левина, лингвистике Э. Сепира. Тем не менее, методологические и теоретические новации Салливана или даже его интерес к эвристическим моделям других дисциплин нельзя сводить к «здоровому американскому эклектизму».

Обращение к авторитетному исследованию Г.-Г. Гадамера [1, 104-115], показывает, что даже в 1960 году на магистральных путях западной философии отсутствовало ясное и содержательное представление о переживаниях. Гадамер в работе «Истина и метод» (Гадамер 1988: 104-115) отмечал, что слово «переживание» [нем. *das Erlebnis*] не употреблялось ни в XVIII веке, ни даже у Гёте и Шиллера. По Гадамеру, начало широкого употребления слова «переживание» приходится лишь на 1870-е годы, когда это слово начинает использоваться в биографической литературе (прежде всего, в текстах Вильгельма Дильтея, Карла Юсти, Германа Гримма). Биографическая литература стала источником популяризации слова «переживание», Дильтей придал этому слову статус понятия в работе 1877 года о Гёте. Гадамер выдвигает предположение, что именно Руссо своим обращением к жизни, направленным одновременно против узкого рационализма Просвещения, сделал возможным появление слова «переживание». Обращение к жизни у Руссо носит, по Гадамеру, еще выражено метафизический характер, который угадывается и в спекулятивном мышлении немецкого идеализма в лице Фихте и Гегеля, а также и у Шлейермахера. В этом этапе спекулятивно-метафизического обращения к понятию жизни Гадамер усматривает поиск связи с беспредельной тотальностью, превосходящей сферу рассудочности и чувственного восприятия. Именно протест против современного индустриального общества характеризует, по Гадамеру, философию жизни в лице Ницше, Бергсона, Зиммеля, а также их романтических предшественников и искусство модернизма.

Обращаясь к понятию переживания, Гадамер отмечает раздвоенность методологических позиций Дильтея, который пытался совместить спекулятивный метод с ориентацией на позитивность эмпиризма. Гадамер отмечает, что в XIX веке самоопределение и обоснование гуманитарных наук происходило в контексте очевидного превосходства и образцового статуса естественнонаучного знания. В силу этих реалей именно теоретико-познавательный аспект стал для Дильтея ведущим мотивом в обосновании значимости переживаний. Поскольку данность предметов «историчного» мира (включающего искусство, историю и духовное творчество) отличается от доступной измерению и эксперименту данности чувственно-воспринимаемых предметов естествознания, Дильтей ассоциирует переживания со значаще-смысловой предметностью исторических наук. Иначе говоря, предметы «историчного» мира даются нам в переживании, а переживание – способ данности и источник познания этих предметов. Следствием этого становится ограничение естественнонаучной модели в теории познания, а также переосмысление предметности сознания как предметности переживаний. Близкой к дильтеевской оказывается и теоретико-познавательная трактовка переживаний Гуссерлем. Переживания Гуссерль отождествляет с актами сознания, спецификой которых является интенциональность.

Трактовка Гуссерлем и Дильтеем переживаний как предметности телеологически понимаемого сознания, с одной стороны, страдала абстрактностью и содержательной неопределенностью, с другой – подразумевала невыразимость в понятиях и суждениях чистой непосредственности переживаний. Эта вторая особенность

обусловила невозможность полной редукции переживаний к их теоретико-познавательной функции и актуализировала тему репрезентации в переживании беспредельной тотальности жизни. Эта тема звучала уже в творчестве Шлейермахера, а позже была представлена в разработках Наторпа и Бергсона, изданных в 1888 году. Гадамер также останавливается на замечании Зиммеля о том, что в переживании есть что-то от приключения. Приключение не просто прерывает определенный порядок событий, но и в виде исключения значимо связано с нарушаемым порядком, «придавая ощущение жизни» и освобождая от обусловленности устоявшегося видения.

Это представление сводилось к внутренне противоречивому объединению под одним именем двух принципиально разных позиций: теоретико-познавательного истолкования переживаний (с оглядкой на каноны сциентизма) и романтически-виталистского протеста против просвещенческого рационализма. В этой атмосфере человеческие переживания оказались с одной стороны предметом сциентистского «освоения», в том числе экспериментальной психологией, с другой – романтически-виталистского постижения.

Такова философская предыстория «открытия» переживаний в качестве достойного предмета исследовательского интереса. Это переосмысление стало центральным мотивом модернизации психоанализа и психотерапии; одной из наиболее ранних версий этой модернизации стал интерперсональный подход Салливана. Фундаментальным методологическим вектором новаций Салливана и общепсихологической ситуации XIX–XX веков следует считать мотив эмансипации гуманитарного знания и преодоления сциентизма. В этом ракурсе обнаруживаются глубинные методологические корни интерперсонального подхода. Равным образом, феноменология Гуссерля, экзистенциализм Хайдеггера и герменевтика Гадамера были преемственны той философской традиции, которая ориентировалась на выведение гуманитарного познания из тупиковой колеи позитивизма и сциентизма. Исторически, в этой традиции особое место принадлежало Дильтею, значительно повлиявшему не только на Гуссерля, Хайдеггера, Гадамера, но и (в частности, через Зиммеля) на становление американской философской и социологической школы в лице Уильяма Джемса, Джона Дьюи, Джорджа Герберта Мида. В свою очередь, Джемс, Дьюи и Мид стали проводниками того интеллектуального климата, в котором развивались американские социальные и антропологические науки, методологические наработки и успехи которых стали значимым ориентиром для Салливана.

Подводя итог, можно сказать, что если классический психоанализ формировался под определяющим воздействием натурализма и сциентизма XIX века, а в дальнейшем догматическое апеллирование к авторитету Фрейда надолго законсервировало эти метафизические предпосылки, то в интерперсональном психоанализе произошла соответствующая XX веку модернизация в духе методологии гуманитарных наук. Центральным мотивом интерперсональной модернизации психоанализа Салливана стало переосмысление и углубленное внимание к проблематике переживаний и коммуникации. Этот мотив коррелирует с общепсихологическим вектором XX века, направленным на преодоление натурализма, сциентизма и эмансипацию гуманитарного знания от чуждого ей позитивистского канона.

В этой связи перспективой дальнейших исследований видится продолжение анализа методологических и концептуальных новаций Салливана, с одной стороны, а также экспликацию нормативных оснований, которые были бы способны обеспечить более эффективное описание и изучение человеческих переживаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер, пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Лейбин В. М. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. Т. 2 / В. М. Лейбин. – М.: Территория будущего, 2006. – 568 с.
3. Май У. Психоанализ в США / У. Май // Энциклопедия глубинной психологии. Т. II.

– М.: Когито-Центр, МГМ. – с. 491-535.

4. Салливан Г. С. Интерперсональная теория психиатрии / Г. С. Салливан, пер. с англ. О. Исаковой. – СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. – 347 с.

5. Романов А. Трансформация психоанализа в интерперсональном подходе Г. С. Салливана / А. Романов // Філософія: Нове покоління. Тези десятої студентсько-аспірантської міждисциплінарної конференції (Київ, НаУКМА, 21-22 травня 2015 року). – К.: Києво-Могилян. акад., 2015. – С. 35-38.

6. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1991. – 456 с.

7. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд // Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989. – С. 382-424.

8. Хржановски Г. Психоаналитические теории Карен Хорни, Гарри Стека Салливана и Эриха Фромма / Г. Хржановски // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. Последователи Фрейда. – М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998. – С. 358 – 393.

9. Conci M. Sullivan Revisited – Life and Work. 2-nd ed / M. Conci. – Trento: Tangram Edizione Scientifiche, 2012. – 506 p.

10. Conci M. Sullivan rivisitato. La sua rilevanza per la psichiatria, la psicoterapia e la psicoanalisi contemporanee / M. Conci. – Bolsena: Massari Editore, 2000.

11. Doctors S. An Interview with Robert Stolorow / S. Doctors // Self Psychology News. – 2005. – Volume 1. – №3. – p. 31-46.

12. Evans F. B. Harry Stack Sullivan. Interpersonal Theory and Psychotherapy / F. B. Evans. – London: Routledge, 1996. – 255 p.

13. Freud S. Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung / S. Freud // Freud S. Gesammelte Werke. B. VIII. – Frankfurt a. M.: Fisher, 1999. – S. 376-387.

14. Sullivan H. S. Conceptions of Modern Psychiatry: the first William Alanson White Memorial Lectures / H. S. Sullivan. – Washington D.C.: William Alanson White Psychiatric Foundation, 1940. – 147 p.

15. Sullivan H. S. Interpersonal Theory of Psychiatry / H. S. Sullivan. – New York: W.W. Norton & Company, 1953. – 392 p.

16. Sullivan H. S. Psychiatric Interview / H. S. Sullivan. – New York: W.W. Norton & Company, 1954. – 246 p.

REFERENCES:

1. Gadamer Kh.-G. Istina i metod: Osnovy filos. germenetiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophy. hermeneutics] / Per. s nem., obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. – М.: Progress, 1988. – 704 s.

2. Leybin V. M. Postklassicheskiy psikhoanaliz. Entsiklopediya. T. 2.[Post-classical psychoanalysis. Encyclopedia.] – М.: Territoriya budushchego, 2006. – 568 s.

3. May U. Psikhoanaliz v SShA [Psychoanalysis in the United States]// Entsiklopediya glubinnoy psikhologii. T. II. – М.: Kogito-Tsentr, МГМ. – с. 491-535.

4. Sallivan G. S. Interpersonal'naya teoriya psikhiiatrii [Interpersonal Theory of Psychiatry] / per. s angl. O. Isakovoy. – SPb.: Yuventa; М.: KSP+, 1999. – 347 s.

5. Romanov A. Transformatsiya psikhoanaliza v interpersonal'nom podkhode G.S. Sallivana [Transformation of psychoanalysis in the interpersonal approach, G. Sullivan] // Filozofia: Nove pokolinnia. Tezy desiatoi studentsko-aspirantskoi mizhdystyplinarnoi konferentsii (Kyiv, NaUKMA, 21-22 travnia 2015 roku). – К.: Kyievo-Mohylian. akad., 2015. – С. 35-38.

6. Freyd Z. Vvedenie v psikhoanaliz: lektzii [Introduction to Psychoanalysis: Lectures]. – М.: Nauka, 1991. – 456 s.

7. Freyd Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Beyond the Pleasure Principle] // Psikhologiya bessoznatel'nogo: Sb. proizvedeniy. – М.: Prosveshchenie, 1989. – С. 382-424.

8. Khrzhanovski G. Psikhoanaliticheskie teorii Karen Khorni, Gari Steka Sallivena i Erikha Fromma [Psychoanalytic theory of Karen Horney, Harry Stack Sullivan and Erich Fromm] // Entsiklopediya glubinnoy psikhologii. T. 3. Posledovateli Freyda. – М.: ZAO MG Menedzhment, 1998. – С. 358 – 393.

9. Conci M. Sullivan Revisited – Life and Work. 2-nd ed. – Trento: Tangram Edizione Scientifiche, 2012. – 506 p.

10. Conci M. Sullivan rivisitato. La sua rilevanza per la psichiatria, la psicoterapia e la psicoanalisi contemporanee. – Bolsena: Massari Editore, 2000.

11. Doctors S. An Interview with Robert Stolorow // Self Psychology News. – 2005. – Volume 1. – №3. – p. 31-46.

12. Evans F. B. Harry Stack Sullivan. Interpersonal Theory and Psychotherapy. – London: Routledge, 1996. – 255 p.
13. Freud S. Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung // Freud S. Gesammelte Werke. B. VIII. – Frankfurt a. M.: Fisher, 1999. – S. 376-387.
14. Sullivan H. S. Conceptions of Modern Psychiatry: the first William Alanson White Memorial Lectures. – Washington D.C.: William Alanson White Psychiatric Foundation, 1940. – 147 p.
15. Sullivan H. S. Interpersonal Theory of Psychiatry. – New York: W.W. Norton & Company, 1953. – 392 p.
16. Sullivan H. S. Psychiatric Interview. – New York: W.W. Norton & Company, 1954. – 246 p.

Романов А. А., аспірант кафедри філософії та основ загальногуманітарного знання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Поняття переживання у Г. С. Саллівана: філософська передісторія

Анотація. У статті зображені логіка модернізації психоаналізу в інтерперсональному підході Г.С. Саллівана та роль поняття переживання у цієї модернізації. У статті експліковано історико-філософський контекст, що передував та супроводжував цю модернізацію.

Ключові слова: інтерперсональний психоаналіз, Гаррі Стэк Салліван, поняття переживання, переживання.

Romanov A., postgraduate student of the Department of Philosophy and Fundamentals of Humanities, Odessa I. I. Mechnikov National University (Odessa, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The concept of experience by H. S. Sullivan: a philosophical prehistory

Abstract. The article elucidates the logic of modernization of psychoanalysis in the interpersonal approach of H.S. Sullivan and the role of concept of experience in this modernization. The article elucidates historical and philosophical context of methodological and conceptual innovations of H.S. Sullivan.

If the classical psychoanalysis was formed under the decisive influence of naturalism and scientism of the XIX century, and later dogmatic appeal to Freud authority canned a long time, these metaphysical premises, than in interpersonal psychoanalysis occurred corresponding to XX century modernization in the spirit of the methodology of the humanities. The central motif of the modernization of Sullivan interpersonal psychoanalysis was rethinking and in-depth attention to the problems of experiences and communication. This motif is correlated with general philosophical vector of the XX century, aimed at overcoming the naturalism, scientism and the emancipation of human knowledge by an alien positivist canon.

In this regard, the prospect of further research sees the continuation of the analysis of the methodological and conceptual innovations of Sullivan, on the one hand, and the explication of the normative base that would be able to provide better description and study of the human experience.

Key words: interpersonal psychoanalysis, Harry Stack Sullivan, concept of experience, experience.

УДК 101 (091)

Салій А. В.

ВДНЗУ «Українська медична стоматологічна академія»
(Полтава, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

САМОТНІСТЬ ВАСИЛЯ РОЗАНОВА

Анотація. Здійснюється спроба філософського аналізу творчої спадщини російського мислителя Василя Розанова, через призму екзистенціалу «самотності». Акцентується на переживаннях В.Розанова, його релігійних почуттях, суспільних переконаннях. Звертається увага на діалектичне протиставлення «мирського» і «монастирського».

Ключові слова: самотність, усамітнення, Василь Розанов, відчуженість, монастирське життя, молитва.